

ОТЕЦ

*Сыну Виктору от папы.
43-й. Обоянь.*

Надпись на фотографии.

Сохрани его в походах,
жизнь, вперед на много лет.

— Сыну Виктору два года,
а меня и вовсе нет.

Не минуй его, награда,
обойди, слепая смерть.

— Ведь еще за нами надо
брату младшему поспеть.

Ты, судьба, его не мучай,
хоть шепни: мол, ничего...

— Ты же знаешь: трое внучек
дожидаются его.

Старый снимок. Сорок третий,
где готов он ко всему,

мой отец тридцатилетний!

И откуда знать ему,
что ни здесь, под Обоянью,

ни в одной из прочих битв,

слава Богу — он не ранен,

слава Богу — не убит.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ 42-го ГОДА

Маме

Не плачь, мой маленький, прости,
хоть я не виновата.
Чужой солдат на снег и стынъ
нас вытолкал из хаты.

Живой, ты плачешь, жалкий мой,
от холода и страха,
и стала мокрой под тобой
от холода рубаха.

Но если жив – он к нам идет
войны дорогой дальней
иль, раненый, кричит «Вперед!»
на койке госпитальной.

И пусть мы здесь с тобой сейчас
среди беды и смерти, —
для жизни, хоть и в страшный час,
понарождались дети.

Не плачь! Я плачу — не пою,
тебя дыханьем грею,
почти как памятник стою,
от горя каменею.

* * *

...Но в этот мир принесены
в дни мира, миру подотчетны —
мы плоть от плоти той войны,
мы дети той беды народной.

От первых до последних дней
нам кровью понимать и кожей
своих отцов смертельный обжиг
и ожиданье матерей.

А сколько рушилось семей,
а сколько свадеб не сыгралось,
а скольких я не досчиталась
живых ровесников-друзей?!

И средь земных забот моих
одна все сердце жжет и студит, —
что никогда, нигде не будет
ни их детей, ни внуков их.

Нас даже краешком, крылом
 война не зацепила,
 но то, что смертью быть могло, —
 то нашим детством было.

Еще закрыть военных ран
 природа не успела,
 но по краям крутого рва
 в срок ягода поспела.

И прыгали мы мимо, вниз,
 степь оглашая криком,
 чтобы набрать зеленых гильз,
 забыв про землянику.

В лесу о ржавый танк ИС
 мы спины наши грели,
 а что живой погиб боец, —
 понять мы не умели.

Уже потом, карандаши
 подтачивая в школе,
 мы вспомним порох,
 что лежит
 на деревенском поле,

и, пальцы пачкая, сравним,
 ломая грифель разный, —
 что был винтовочный — стальным,
 артиллерийский — красным.

В руках,
 в кострах и по домам
 дымился он и рвался
 и в страшных криках
 наших мам
 войной проклятой звался...